УДК 343.21

НАЗАРЕНКО Г.В.

Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы

Статья посвящена уголовно-правовой политике Российской Федерации в условиях антропологического кризиса. Автор обращает особое внимание на деструктивные тенденции уголовно-правовой политики и перспективы ее развития.

Ключевые слова: кризис уголовно-правовой политики, деструктивные тенденции, перспективы развития.

Последние три десятилетия уголовно-правовая политика Российской Федерации осуществляется в условиях антропологической катастрофы, признаки которой отечественные философы видят а «расчеловечивании человека»[1], в «невменяемости культуры», в «тоске ума по безумию»[2]. Западные интеллектуалы рассматривают общество как «настоящий людской зверинец» и сравнивают человека со «зверем в клетке»[3]. Философы, которые не поддерживают зоологический подход к обществу, полагают, что человек живет «в системе, которая ощущает себя чем-то средним между тюрьмой и хаосом»[4]. П. Слотердайк отмечает, что в этих условиях недуг в культуре приобрел новое качество: «универсальный диффузный цинизм»[5].

Философствующий писатель М. Веллер в своих многочисленных трудах по энергоэволюционизму, подобно зеркалу, отражает катастрофическое мировоззрение рефлексирующего человека. Все работы указанного автора завершает вывод: призвание человека состоит в том, чтобы уничтожить Вселенную[6]. Причем самоуничтожение М. Веллер цинично называет «максимальным действием» или «максимальным результатом», а свои рассуждения на тему деструктивного призвания человека позиционирует как «универсальную теорию»[7].

Типичным проявлением современного антропологического кризиса является постоянный рост популярности и разнообразия трансгрессивного поведения в форме нарушения уголовно-правовых запретов, демонстративного нарушения норм морали, совершения кощунственных действий, тяжких и особо тяжких преступлений, вплоть до актов терроризма. Причем трансгрессивные практики зачастую имеют цель получить за счет нарушения существующих запретов максимальные ощущения, то есть совершаются ради острых ощущений, избавляющих от пресыщения, однообразного времяпрепровождения либо скуки.

Одним из проявлений антропологической катастрофы является деформация правосознания лиц, работающих в системе высшего профессионального образования. Наиболее показателен в этом отношении труд профессора Э.А. Позднякова «Философия преступления». Указанный автор считает, что разум человека – болезнь и сама жизнь – болезнь. Все проявления человеческой жизни суть симптомы болезни, в том числе наука – нечто вроде сыпи. Преступность – один из важнейших симптомов главной болезни и человека, и общества[8]. Рассуждая о взятках, Э.А. Поздняков пишет, что не является сторонником взяток, и завершает этот пассаж откровенным признанием: «…поскольку я не считаю себя каким-то особенным человеком, то могу предположить, что если бы их

давали, то, скорее всего, брал бы. Why not? – как говорят в таких случаях англичане...»[9]. Сказанное в комментариях не нуждается, как и проекция авторского «я» в отношении общества.

Кризис уголовной политики, зафиксированный отечественными криминологами, является частью антропологической катастрофы, тесно связан с кризисным состоянием общества и является его производной. Это означает, что кризис уголовной политики невозможно объяснить только тем, что «изначально Кодекс был построен на неолиберальной концепции», не соответствует криминогенной реальности, содержит пробелы, неудачные и ошибочные решения, существенные изъяны, нестабилен и рассогласован. Следует учесть, что все недостатки действующего УК РФ антропологичны, то есть являются проявлением наблюдаемой антропологической катастрофы, которая по ряду признаков в сфере уголовного права углубляется.[10]

Антропологическая катастрофа является причиной всех возможных катастроф, имеет глобальный характер и порождена коренными ошибками общества в выборе ценностных ориентиров. Проявлением этой катастрофы является неистовое западничество и столь же неистовое либеральное реформаторство, которое продавливает модернизацию УК РФ под предлогами гуманизации, совершенствования уголовного закона и приведения его в соответствие с международными стандартами.

В процессе многочисленных изменений и дополнений, внесенных Федеральными законами, в период с 1998 по 2012 г. в УК РФ введено 1014 поправок, часть которых знаменует собой расформирование действующего Уголовного кодекса. Из уголовного закона исключены нормы, имеющие принципиальное значение, в том числе нормы о неоднократности преступлений, о конфискации имущества, положения о судимости и неоднократности в качестве квалифицирующих признаков преступлений, проведена реконструкция норм о рецидиве преступлений, которая фактически привела к утрате уголовно-правового значения дифференциации рецидива на простой, опасный и особо опасный, исключена уголовная ответственность несовершеннолетних за совершение хулиганства с применением оружия в возрасте 14–15 лет. Из Особенной части УК РФ за период его действия изъято 9 статей и 38 предписаний, предусмотренных частями и пунктами статей (ст. 129, 130, 152, 173, 182, 188, 200, 265, 298 УК и др.).

Предложения о частичном расформировании Уголовного кодекса Российской Федерации имеют свою подоплеку, так как выражают интересы политических, финансовых, торгово-промышленных либо профессиональных элит, но в большинстве случаев получают сугубо «научное» обоснование.

Под предлогом устранения из Уголовного кодекса РФ декларативных штампов и восстановления традиций отечественного уголовного права предлагается исключить из действующего УК РФ принципы уголовного законодательства, поскольку большинство принципов, особенно принцип вины и равенства граждан перед законом, несут идеологическую нагрузку[11]. В юридической литературе теоретическое обоснование получили предложения исключить из УК РФ: 1) нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 20, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 40, ч. 2 ст. 42, ч. 4, и применительно к преступному сообществу (преступной организации) – ч. 5 ст. 35; 2) законодательное разделение в ст. 25 и ст. 26 умысла и неосторожности на виды – прямой и косвенный, легкомыслие и небрежность; 3) квалифицированные и особо квалифицированные признаки – совершение преступления организованной группой – из п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «е» ч. 2 ст. 117 и др. Всего – из 31 статьи[12]. Регулярно делаются теоретические попытки вывести за рамки уголовно-правовых отношений институты принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества в связи с тем, что принудительное лечение и конфискация имеют якобы не уголовно-правовую природу[13].

Автор модельного Уголовного кодекса Н.Г. Иванов предлагает расформировать Уголовный кодекс в структурном отношении: «... отказаться от подразделения нормативного материала по разделам, главам и статьям, оставив лишь главы, состоящие из статей, так как структурное

построение действующего УК РФ... ничем не оправдано».[14]

В целях технической оптимизации уголовного закона предлагается исключить признаки составов, характеризующие общественную опасность преступления (в частности, «группа лиц по предварительному сговору», «преступное сообщество», «идеальная совокупность» и т.д.).[15] Масштабное расформирование норм Особенной части предлагается осуществить в связи с предполагаемой избыточной или искусственной криминализацией предпринимательской деятельности и, соответственно, исключить из действующего УК РФ ст. 171, 171.1, 172, 174.1, 176, 177, 178, 184, 185, 190, 192, 193.[16]

Наиболее радикальное предложение по расформированию УК РФ дает проф. С.Г. Ольков. Указанный автор предлагает упразднить уголовную политику, отказаться от дегенеративных, по его мнению, понятий преступления и наказания, немедленно упразднить институты преступления, ответственности и наказания, так как классическая юриспруденция якобы противоречит всей логике науки и должна быть выброшена на «свалку» исторических отходов.[17]

Деструктивные идеи, о которых идет речь, действуют подобно вирусам, но в отличие от других вирусов идеи-деструкторы заражают индивидуальное, групповое и массовое сознание. Эпидемия ультралиберальных идей в уголовной политике – неоспоримый факт: Уголовный кодекс РФ активно подвергается усиленной и ускоренной либеральной модернизации, в результате которой уголовное законодательство трасформируется в откупное право, теряет свой правоохранительный ресурс, а вместе с ним и превентивную силу.

Наиболее деструктивными вирусами в сфере уголовного права в настоящее время являются концепция восстановительного правосудия (changing lenses), импортированная из США[18], а также концепции компенсаторного (making good)[19] и возвратного права (return law)[20]. Автор концепции восстановительного правосудия Ховард Зер тенденциозно утверждает, что преступление – это миф, судебная мистификация, символ, которым манипулируют заинтересованные лица (журналисты, политики и т.д.)[21]. Деструктивность подобных идей очевидна. Автор концепции компенсаторности М. Райт, в свою очередь, пишет, что следует сделать уголовный закон более «гражданским», то есть определять правонарушения с точки зрения нанесенного ущерба и обязательств, а не с точки зрения виновности и уголовного права.[22] Концепция возвратного права (разработчик – Г.А. Минин) представляет собой набор идей-деструкторов, полностью отрицающих уголовное право в связи с необходимостью его замены откупным (восстановительным) правом.

Деструктивные тенденции уголовно-правовой политики и перспектива перерождения уголовного законодательства в восстановительно-откупное право могут быть устранены за счет преодоления кризисных явлений, имеющих место в юридическом образовании, уголовном законодательстве и правоприменительной практике, то есть в тех сферах, которые наиболее важны для формирования уголовно-правовой политики.

Российский вариант Болонской системы юридического образования предусматривает подготовку бакалавров (4 года) и магистров (2 года). При этом количество часов по уголовному праву для бакалавров сокращено в два раза, а подготовка магистров фактически ограничивается посещением спецкурсов по «аспирантской схеме». Причем учебный процесс предельно бюрократизирован постоянными подсчетами и составлением индивидуальных рейтингов и текущей документации. Отказ от Болонской системы, разрушающей юридическое образование, – это элемент правовой политики, требующий незамедлительной реализации, так как Болонская система является порождением образовательного кризиса, охватившего Западную Европу.

В целях радикального изменения уголовной политики следует разработать и принять Основы уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступности, в которых дефинировать понятие уголовной политики, указать ее субъекты, выделить задачи и функции, закрепить принципы и определить содержание, методы и

формы реализации уголовной политики, указать критерии криминализации и декриминализации общественно опасных деяний, сформулировать принципы пенализации и депенализации противоправных деяний, принципы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, а также определить стратегию и тактику противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, государственной власти и военной службы, общественной безопасности и общественного порядка, в сфере экономики и против личности.

Разработка и принятие Основ уголовной политики должны предшествовать разработке и принятию нового Уголовного кодекса Российской Федерации. В целях стабилизации уголовно-правовых отношений в Основах следует закрепить положение, согласно которому в течение 10 лет с момента вступления в законную силу нового УК РФ изменения и дополнения уголовного законодательства не допускаются. В дальнейшем устанавливается модернизационный регламент, в соответствии с которым изменения в Кодекс могут быть внесены федеральным законом в конце календарного года. При этом количество и содержание вносимых поправок должны быть криминологически обоснованными и научно подтвержденными, а дополнения должны ограничиваться примечаниями к бланкетным нормам.

[1] Яценко Н.Е. Обществоведческий словарь. СПб., 2009. С. 11.

[2] Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М. 2010. С. 14, 38.

[3] Моррис Д. Людской зверинец / Пер. с англ. Т. Пашкевич. СПб., 2004. С. 9.

[4] Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 15.

[5] Слотердайк П. Указ. раб. С. 30.

[6] См., например: Веллер М. Все о жизни. СПб., 2003. С. 216–216; Веллер М. Социология энергоэволюционизма. М., 2010. С. 412–413. Он же. Энергоэволюционизм. М. 2010. С. 206.

[7] Веллер М. Все о жизни. СПб., 2003. С. 174.

[8] См.: Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001. С. 569.

[9] Поздняков Э.А. Указ. раб. С. 7.

[10] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М. 2009 С. 15–23.

[11] См.: Мишин Е. Правовой нигилизм в сфере уголовного права // Уголовное право: идеи и практическое воплощение. Орел, 2009. С. 186.

[12] Босхолов С.С. Основы уголовной политики. Изд. 2-е, перераб. М., 2004. С. 137.

[13] См., например: Благов Е.В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. М., 2011.

[14] Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: Монография. М., 2003. С. 10–11.

[15] Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010. С. 26.

[16] Там же. С. 53–54.

[17] См.: Ольков С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспрудеция. Новосибирск, 1999. С. 132–133.

[18] См.: Зер Ховард. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. М.М. Стерник, Е.В. Топникова. М., 2002. 328 с. (в оригинале: Changing Lenses: A new focus for crime and justice).

[19] Wright Martin. Making good. London, 1982. 350 p.

[20] Минин Б.А. Возвратное право: правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. М., 2007. 472 с.

[21] См.: Зер Х. Указ. раб. С. 5.

[22] См.: Wright M. Ibid. P. 249–250.